

УСОВЕРШЕНСТВОВАВАННЫЙ ПОДКОЛЕСИИ

ДИРЕКТОР театра представил труппе нового режиссера. Режиссер произнес прочувствованную речь. Он говорил о времени и художнике, о красоте души нашего современника, о высоком призвании театра. Речь произвела впечатление.

Можно было бы вполне разделить восторг слушателей, если бы не одна существенная деталь... В то время, как в Москве выражались эти знаки одобрения, в Таганроге имя того же режиссера произносилось отнюдь не с одобрением.

Новый режиссер приступил к репетициям, и актеры с удовлетворением отметили, что работает он интересно, отдавая весь жар души, сам увлечен и других увлекает. И вновь можно было бы вполне присоединиться к высокой оценке достоинств дебютанта, если бы не портила дело другая существенная деталь... Отдавать весь пыл своего сердца полагалось ему не здесь, не в Московском гастрольном театре комедии, а в другом месте — в Таганрогском драматическом театре имени А. П. Чехова. Этому есть довольно веские причины: знакомый нам оратор и энтузиаст по сию пору значится там главным режиссером.

В ЖАРКИЕ июльские дни минувшего года коллективу Таганрогского театра был представлен Борис Исаакович Малкин, новый главный режиссер, рекомендованный Министерством культуры Российской Федерации. Он произнес прочувствованную речь, которая, как и следовало ожидать, произвела впечатление. Творческая позиция, смелые планы, энергия и темперамент молодого руководителя вселили в каждого работника большие надежды. Будет, возможно, и нелегкая, но какая интересная жизнь! Театр даст городу волнующие спектакли.

Июльские дни сменились августовскими, августовские — сентябрьскими, а Борис Исаакович почему-то не торопился реализовать свои

художественные принципы хотя бы в одной постановке. Но высокие порывы его души чувствовались постоянно. В частности, к своему режиссерскому дебюту в Таганроге он относился исключительно серьезно. Все искали подходящую пьесу — плацдарм для большого творческого прыжка главного режиссера. Наконец она была найдена — драма Вл. Соловьева «Гибель поэта».

Приближалось начало репетиций. И тут обнаружилось вдруг, что для завершающих штрихов режиссерского плана многого не хватает, что николаевская эпоха «освоена» не до конца. Словом, нужна поездка по «пушкинским делам» в Москву. Кстати, пора уже перевезти из столицы в Таганрог семью главного режиссера. Медлить нельзя, надо торопиться! Ростовский облисполком оформляет Малкину командировку. Товарищи провожают его в путь.

Дальнейшее читателю уже известно... Прочувствованная речь Малкина перед труппой Московского гастрольного театра комедии, аплодисменты... Поездка в Москву понадобилась, оказывается, не для завершения режиссерского плана, а для того, чтобы осуществить план давно задуманного бегства из Таганрога.

НЕВЕРОЯТНОЕ событие это пестрит множеством любопытных деталей и подробностей, и некоторые из них мы хотим представить на суд читателей, так сказать, в двух планах: в трактатке Б. Малкина и в их настоящем виде.

...По приезде в Москву посланец Таганрога сообщает, что не расстается с Пушкиным (драма «Гибель поэта»), штурмует музеи и библиотеки.

В самом же деле, едва ступив на московскую землю, он забывает о своей ответственности перед театром и начинает «завоевывать» новую пристань в Московском

гастрольном театре комедии.

...Долгое молчание, нет ни посланий, ни посланца. Время командировки давно истекло. Наконец в середине ноября приходит тревожная весть: Борис Исаакович тяжело заболел, едва не добран на улице, положен в больницу. В том же духе выдержано и его письмо в дирекцию от 20 ноября: «Чувствую себя очень и очень неважно. Смотрел профессор и почти (!) поставил диагноз, который фиксирует две болезни, и обе оперируемые. Сюда только попади!».

Краски сгущены до чрезвычайности. В действительности было несколько иначе. В результате хлопот друзей и знакомых (хлопоты эти начались вскоре после приезда Б. Малкина в Москву) его помещают для обследования в диагностическое отделение 4-й городской больницы. По заключению врача, прибыл в удовлетворительном состоянии. Факт профессорского осмотра не подтвердился. Об оперировании не было и речи.

...27 ноября Борис Исаакович пишет второе письмо. Оно также не содержит ничего утешительного для коллектива. Главный режиссер по-прежнему в тяжелом состоянии. «Меня продолжает «хватать» и искололи вдрызг... Вообще обрушилось так неожиданно, что начинаю приходить в отчаяние, но потом беру себя в руки... О Пушкине и не говорю, просто тоскую и сейчас все читаю и собираю материал».

В самом же деле ни схваток, а тем более отчаяния в эти дни не наблюдалось. И какая там тоска по Пушкину! Б. Малкин прямо в больной палате энергично завершает режиссерский план постановки пьесы... «Игра без правил». Через несколько дней в Московском гастрольном театре должны начаться репетиции. Надо было торопиться.

...Письмо от 9 декабря. «Сейчас только прибыл из больницы и берусь за перо... Мои дела малоутешительны для меня, а для моих близких даже волнительны. Дело в том, что врачи после такого долгого лечения и обследования единодушно решили об операции (?), так как в противном случае это может быть необратимо».

Это по Малкину.

А по правде... Выписали из больницы не 9 декабря, а 30 ноября. Врачи единодушно решили... надо соблюдать общий режим и режим питания, навещать к участковому врачу. И до того дня, как автор письма «взялся за перо», он успел не один раз «сыграть без правил»: был зачислен режиссером Московского гастрольного театра, произнес перед труппой прочувствованную речь, темпераментно провел несколько репетиций...

Думается, что продолжать дальше не имеет смысла. И без того нравственный портрет Бориса Исааковича довольно-таки ясен...

В ТАГАНРОГЕ глубоко оскорблены и судят нарушителя едва ли не по всем статьям морального кодекса. «В конце концов, — говорят в городе, — можно было и уйти, пусть даже в разгар сезона. Но уйти честно, с достоинством, не лицемеря, не делая вид, что ты вместе с коллективом, не прибегая к хитростям и уловкам».

В редакцию пришло письмо от коллектива Таганрогского театра. Легко понять горечь и негодование всех, попавших в беду из-за вероломства одного. «Он еще не уволен у нас... Так и висит в воздухе два месяца эта «номенклатурная личность», поправшая элементарные нормы театральной этики, советской морали, трудового законодательства. А что с театром? Разве это хоть сколько-нибудь волнует Бориса Исааковича! Убаюканный его «дивными» речами, коллектив ждал встречи с ним на репетициях «Гибели поэта». Подошли их сроки, и театр... встал на репетиционный простой».

Один из многих комментаторов этой истории, рядовой таганрогский житель назвал Б. Малкина «нынешним Подколесным». Это сравнение, пожалуй, можно принять, но только с оговоркой. Нынешние Подколесины весьма усовершенствовались! В самом деле. Нерасторопный чиновник, герой комедии Гоголя «Женитьба», как известно, в решающую минуту выпрыгнул в окошко. Нынешний Подколесин исчезает, что называется, с комфортом, через широкую дверь облисполкома, снабженный командировочным удостоверением и полномочиями не по каким-нибудь, а по «пушкинским делам». Гоголевский Иван Кузьмич обеспечивал свое бегство финансами из собственного кармана. По выражению девочки Дуняшки, «порядили за гривенник извозчика и уехали»... Борис Исаакович отбыл восвояси за счет театра, получив дорогие, суточные и даже квартирные.

Прочувствованная речь Малкина прозвучала и в стенах редакции, куда Борис Исаакович пожелал прийти, чтобы разоблачить «клевветников» и «черствых» людей, пытающихся опорочить честного человека. Товарищей из Таганрога он обещал призвать к порядку, угрожал судом.

В ПРОЧЕМ, почему бы и не суд? Например, суд чести. Министерство культуры Российской Федерации, которому предстоит определить, какие статьи закона, какие приказы и правила нарушил главный режиссер (а заодно с ним и московский директор Л. Рохлин, приютивший беглеца), быть может, понудит Б. Малкина явиться в Таганрог на такой суд чести. Тем более, что проезд по железной дороге из Москвы в Таганрог был ему оплачен еще в ноябре минувшего года.